УДК 821.161.1
5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)

Е.В. Никольский
Институт современных гуманитарных исследований
Е.В. Папилова
Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина

НЕМЕЦ КАК «ВНУТРЕННИЙ ЧУЖОЙ»: ИМАГОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ РАССКАЗА Е.Н. ЧИРИКОВА «ВОЙНА»

В статье выявляется своеобразие образа «чужого» в рассказе Е.Н. Чирикова «Война». На основе анализа образа аптекаря Розенфельда показано, как традиционный тип обрусевшего немца претерпевает трансформацию под влиянием общественных настроений военного времени, превращаясь в символ внутреннего отчуждения от русского общества.

Чириков, рассказ «Война», имагология, образ немца, идентичность, «свой» и «чужой», Первая мировая война, этнический образ.

Творчество Е.Н. Чирикова (1864–1932) занимает особое место в истории русской литературы начала XX в., находясь на пересечении реалистической традиции XIX столетия и новых поисков эпохи общественного и духовного перелома. Известный как внимательный наблюдатель провинциальной жизни и человеческой психологии, Чириков в годы Первой мировой войны обращается к теме национальных отношений и духовного состояния человека, оказавшегося перед лицом исторического катаклизма. Особенно ярко эти мотивы проявились в рассказе «Война», открывающем сборник «Эхо войны».

Рассказ представляет собой художественное свидетельство того, как мировая война, по масштабу и воздействию ставшая тотальной, преобразует не только социальный и политический порядок, но и представления человека о Родине, национальной принадлежности и «чужом». В центре повествования – образ аптекаря-немца, давно обрусевшего и мирно живущего в российском уездном городе. В традиции русской литературы XIX в. фигура немца, как правило, воплощала тип рационального, трудолюбивого и добросовестного человека (Штольц в «Обломове»), иногда наделенного чертами бытовой комичности (Шиллер в «Невском проспекте», Тофельс в «Колбасниках и бородачах» Даля). Однако у Чирикова этот привычный тип претерпевает переосмысление: герой становится объектом подозрительности, насмешек и, в конечном счете, жертвой коллективного страха перед «внутренним чужаком». Несмотря на существующие исследования реалистической поэтики Чирикова [1; 2; 4], его творчество практически не рассматривалось в имагологическом аспекте. Между тем обращение к имагологии позволяет глубже осмыслить рассказ «Война» как текст, фиксирующий процесс формирования и разрушения этнокультурных стереотипов в русской общественной ментальности начала XX в.

В «Войне» показан переход от мирной жизни к существованию в условиях войны, изменение настроения людей, их настороженность к любым иностранцам, патриотический подъем, когда представители всех сословий собирались на фронт, а оставшиеся в тылу также помогали ковать победу: шили белье солдатам, жертвовали лошадей и провизию. Герои рассказа с радостью встречают весть о том, что Англия встала на сторону России, они видят в ней значительную помощь в борьбе с общим врагом, с восторгом поют гимны стран-союзников (Франции, Бельгии), ненавидят Германию и Австрию, презирают Болгарию и Турцию, насторожены к Румынии.

Главный герой рассказа Карл Иваныч Розенфельд – тип, имеющий устойчивые литературные корни в русской культуре XIX в. Уже само имя героя представляет собой маркер «немецкости» и отсылает к традиционным для русской литературы антропонимам данного этнотипа: учителю Карлу Иванычу Мауеру в «Детстве» Толстого, директору пансиона Карлу Иванычу Мейеру в «Истории села Горюхина» Пушкина, их тезкам-ремесленникам в рассказе Даля «Жизнь человека, или прогулка по Невскому проспекту». Тем самым Чириков сознательно вписывает своего героя в уже сформировавшийся литературный архетип немца.

Выбор профессии аптекаря также не случаен: именно немцы часто были в русской литературе докторами и аптекарями (Гибнер в «Ревизоре» Гоголя, лекарь в «Станционном смотрителе» Пушкина, аптекарь в «Колбасниках и бородачах» Даля).

Эпитеты, которыми Чириков наделяет героя («добродушнейший», «обрусевший немец»), создают образ, лишенный внешней агрессивности; напротив, перед нами фигура мирного, кроткого и немного нелепого человека. Его внешность («милейший, длиннейший и плешивейший Карл Иваныч», «долговязая фигура в золотых очках, сползавших с рыхлого ноздреватого носа» [6, с. 28, 29]) продолжает комическую традицию изображения немца, закрепившуюся еще у Толстого (дядька Карл Иваныч в «Детстве»).

Комизм этот, однако, доброжелателен: в нем присутствует оттенок сентиментальности и человеческой симпатии.

Традиционной типичной характеристикой немца становится его «ломаная» русская речь. Свою жену Карл Иваныч представляет словами: «*мой супруг*!», «*мой супруг* не может по-русски!» [6, с. 32]. «Несмотря на то, что Карл Иваныч с детства жил в России, он так и не научился говорить по-русски правильно, вечно путая мужской род существительных с женским» (Там же). Иногда его фразы построены по правилам немецкого синтаксиса: «Я буду держать нейтралитет» (Там же, с. 33), «Я имею в Берлин тетка!.. Мой мечта был поехать когда-нибудь в Берлин и потому…» (Там же, с. 50). Часто он переходит на родную речь, в рассказе она приведена средствами русской графики: герой мечтает иметь «цвай киндер» (Там же, с. 29), подскакивая к жене поцеловать ее, он говорит «нох ейн маль!» («еще разочек!») (Там же, с. 37).

«Ломаная» русская речь Карла Иваныча – центральный элемент имагологического дискурса. В ней фиксируется не только комизм, но и онтологическая неустойчивость идентичности. Герой живет между двумя языками и, следовательно, между двумя мирами – в пространстве культурного пограничья, где родной язык заменяется «служебным». Его грамматические ошибки и вкрапления немецких слов обозначают «треснувшую идентичность» – внутреннее раздвоение между лояльностью и происхождением.

Карл Иваныч наделен типичными чертами немецкой ментальности: аптека приучила его «к *точности и необычайной аккуратности*» (Там же, с. 29). Аптека становится не просто местом действия, а символом порядка, расчета и ремесленной честности, то есть всего того, что в национальном стереотипе связывалось с германским характером. Когда в связи с началом войны работы прибавилось, Карл Иваныч «*работал, как вол*» (Там же, с. 37). Добросовестный труд, высокое качество работы – эти стереотипы немцев живут в сознании русских.

Нельзя не отметить и типичную мещанскую (филистерскую) ограниченность героя, его концентрирование на семейном уюте, тихом счастье с молодой женой: он «ревниво оберегал свой очаг от постороннего глаза» (Там же, с. 29). Карл Иваныч «женился на миловидной нем***очк***е вдвое моложе себя и теперь наслаждался неимоверным супружеским счастьем в собственном дом***ик***е с садом и огородом» (Там же), «уютный дом***ик*** с балкон***чик***ами, с садом» (Там же, с. 40), – обилие уменьшительно-ласкательных суффиксов рисует упоение героя тихим семейным счастьем. Его мечты о двух детях и посещении Берлина также весьма приземленные.

Супруга Карла Иваныча получает традиционные для немки (сравним с «Невским проспектом» Гоголя) эпитеты: миловидная, хорошенькая, белокурая, голубоглазая, молоденькая. Имя героини (Гретхен) типично немецкое; уменьшительно-ласкательный суффикс «хен» в нем поддерживает тему изящной миниатюрности и милой красоты, окружающей героя.

Дом Карла Иваныча, его сад, супруга – все это отражение устойчивого в русской культуре образа «немецкой добропорядочности», перенесенной в уездный быт. В имагологической перспективе этот микромир – «островок рациональной Европы» в хаотической России. Герой как бы воспроизводит немецкий Ordnung в миниатюре, создавая модель «идеального порядка», не соответствующего органике русского пространства.

Образ Гретхен продолжает этот мотив: в ее ангельской белокурости и миниатюрности воплощается «готическая» чистота и отстраненность, типичная для немецкого идеала женственности в русской литературе XIX в. Но именно этот «германский уют» и становится мишенью общественной враждебности: идиллия разрушается под напором коллективного страха. Чириков показывает, как идея «немца-обывателя» превращается в образ «немца-шпиона», демонстрируя, что стабильность национальных образов – лишь иллюзия мирного времени.

В герое причудливо сочетаются сентиментальность, прагматизм и комичность, что характерно для образа немца в русской литературе. Первое проявляется в его отношении к жене: он забегает из аптеки домой повидать и поцеловать ее – «приложиться губами к теплой шейке вспыхивающей женщины» [6, с. 37]. Прагматизм заключается в том, что он женится на молодой девушке, годящейся ему в дочери, в надежде нажить «цвай киндер»; его дела идут хорошо, особенно в связи с начавшейся войной, и он думает о том, что скопившиеся деньги следует положить в банк. Комичность же содержится в русской ломаной речи героя (Пушкин сказал о ней в «Гробовщике», что это «наречие», которое русский «без смеха слышать не может»), а также в том, как приподнято герой чувствует себя, женившись: «можно было подумать, что он теперь уже не аптекарь в уездном городе, а *действительный статский советник*» (Там же, с. 31).

Итак, образ Карла Иваныча конструируется из целого ряда устойчивых литературных штампов: типичного имени, профессии, характерологических черт и речевых особенностей. Все это формирует не столько индивидуальный портрет, сколько обобщенный образ немецкого присутствия в российской действительности. Однако у Чирикова этот тип получает новое смысловое измерение – он становится не просто этнографическим персонажем, а носителем двойной идентичности, внутреннего раскола между «своим» и «чужим». Именно эта двойственность делает фигуру Карла Иваныча центром имагологического конфликта рассказа.

Герой занимает промежуточное положение между двумя нациями, полностью не принадлежа ни одной из них: «Карл Иваныч, с детства живя в России, если не сделался русским, то перестал быть и немцем. Он говорил совершенную правду, когда заявлял о своем нейтралитете. Ему было решительно все равно, кто кого победит. Теперь его отечеством была аптека» (Там же, с. 38). Немец выполняет заказы фронта –

снабжает санитарные отряды медикаментами и готовит карманные аптечки. Показательна и другая деталь: в аптеке Карла Иваныча висит портрет русского государя, что транслирует его преданность России, а когда к нему приходят с обыском, находят в комнатах портрет Вильгельма, т.е. внутренне он остается преданным также своему отечеству по рождению, и в этом проявляется его двойственность.

Другими словами, Карл Иваныч воплощает устойчивый стереотип немца в России как фигуры дисциплины, трудолюбия и практической добропорядочности, но при этом и «чужака», сохраняющего дистанцию. В имагологическом плане Чириков демонстрирует переход от этнографического типа к культурному символу, где немец не просто иностранец, но модель «иной» рациональности, противопоставленной славянской эмоциональности и широте. Так в фигуре Карла Иваныча возникает элемент внутреннего «другого» – «свой чужак», живущий внутри российского мира, интегрированный внешне, но иное начало которого вызывает подсознательное недоверие общества. Этот двойной код (смешение симпатии и иронии) делает рассказ Чирикова примером раннего «внутреннего имагологизма», где этнический образ используется как зеркало для саморефлексии русской культуры.

Чириков показывает, как отношение жителей города меняется к Карлу Иванычу. От дружелюбного оно становится подозрительным и насмешливым. Жители «ополчаются» [6, с. 17] на несчастного, ни в чем не повинного немца. Когда в город стали приходить газеты с описанием немецких зверств, Карл Иваныч «стал чувствовать крутой поворот в отношениях с жителями», «все сразу вспомнили, что Карл Иваныч – немец» (Там же, с. 38), «теперь они гордо, чуть заметно, отвечали на его приветствие и сердито бросали деньги при расплате за медикаменты, а уходили не прощаясь и тоже гордо» (Там же, с. 39).

Изменение отношения общества к Карлу Иванычу – классический пример динамического имагологического сдвига: из «добродушного соседа» герой превращается во «врага». Толпа активирует архетипическую модель «охоты на ведьм», где «другой» маркируется по внешним признакам (имени, произношению, происхождению). Чириков с точностью психолога показывает, как в коллективном воображении (по терминологии Б. Андерсона – «imagined community» (воображаемое сообщество) [7]) национальная принадлежность перестает быть частной и становится приговором. Немец, каким бы обрусевшим он ни был, оказывается виновным лишь своим происхождением. В этом сдвиге можно видеть предвосхищение более поздних форм тоталитарного мышления XX в., когда подозрение станет нормой социального поведения.

Недоброжелательность к Карлу Иванычу выражается в том, что его заставили закрасить на вывеске слово «аптека», написанное по-немецки, и оставить только по-русски; в грубой тональности, с какой говорят с ним посетители, для кого ранее он был всегда «милейшим». Например, почтмейстер советует Карлу Иванычу повесить портрет Вильгельма на видное место, укоряет, что немцам в России живется лучше, чем русским, упрекает в том, что немцы считают русских варварами, но при этом сами ведут себя «хуже башибузуков[1]», и даже подозревает аптекаря в том, что он мог подсыпать ему вместо лекарства отравы. Исправник, направляющийся арестовывать Карла Иваныча, направляет на него весь свой негатив: «скверное расположение духа нашло, наконец, отдушину в лице Карла Иваныча и на него устремилось» [6, с. 48]. В словах исправника звучит ирония: «Извините, Карл Иваныч!.. Я вынужден нарушить ваше семейное счастье… ваш медовый месяц!..» [4, с. 48]. По городу ползут невероятные слухи о том, что Карл Иваныч «отраву солдатам дал», что его поведут под расстрел, что он шпион, и зовут его не почтительно Карлом Иванычем, как раньше, а Карлушкой [6, с. 49]. Даже барыня, много лет знавшая аптекаря и считавшая его «добродушнейшим», теперь, подумав, решила, что больше нельзя верить ни одному немцу (Там же).

Чириков использует прием звукового сопровождения развития сюжета. В рассказе несколько раз раздаются голоса незнакомцев, которые оттеняют отношение горожан к Карлу Иванычу. Сначала, когда он представляет всем свою супругу, из-за беседки раздается: «горько!» (Там же, с. 32), и в этом слышится добрая шутка. Спустя некоторое время, когда становится известно о начале войны, вдогонку Карлу Иванычу раздается чей-то «молодой задорный» голос: «Долой немцев!» (Там же, с. 34), заставляющий героя вздрогнуть и скорее увести молодую жену домой (они – единственные немцы в городе, и фраза могла быть специально обращена к ним). Еще позже по городу разносится «дружное, громкое, многоголосое “ура!”» (Там же, с. 35), подхватываемое новыми голосами, и оно отражает настроение впадающего в эйфорию патриотизма народа, с которой положение немца продолжает усугубляться. Наконец, в самом конце рассказа вдогонку уводимому исправником Карлу Иванычу слышится крик мальчишек: «Долой немцев!» (Там же, с. 50). Анонимные уличные выкрики усиливают напряжение в рассказе на всем его протяжении.

Передразнивание немцев: «кислый квас» как ответ почтмейстера на испуганное «вас ист дас?» («что такое?») Гретхен; насмешливая надпись, сделанная кем-то на заборе Карла Иваныча: «немец-перец-колбаса, съел кобылу без хвоста, семь сот поросят, одне ножки висят» (Там же, с. 40); оскорбительное обращение исправника («Карл Иваныч, пожалуйте на *цугундер*[2]!»); посторонние выкрики на улице – это не просто бытовой юмор. С имагологической точки зре-

[1] Башибузуки – военные отряды в Османской империи. В дословном переводе с турецкого – безбашенный, сорвиголова, головорез. Отличались жестокостью и разбойными нападениями на мирных жителей.

[2] Цугундер – устаревшее слово из армейского жаргона, означающее тюрьму и телесные наказания. Происхождение слова связывают с немецким выражением zu hundert (к сотне), что буквально означало приказ о наказании сотней ударов розгами. Слово пришло из немецкого языка, когда в русской армии практиковалась немецкая муштра.

ния это форма вербального изгнания, где язык становится инструментом насилия: героя вынуждают закрасить надпись «Apotheke», буквально выталкивая немецкий язык из пространства города, а несовершенная русская речь героя превращает его в потенциального врага. Автор интуитивно приближается к имагологическому тезису о том, что другой язык – это уже другой мир, а значит, и «другая лояльность». Комизм «ломаной» речи трансформируется: смешное становится страшным, бытовое – политическим.

Чириков выступает как наблюдатель процесса дегуманизации через смех, где национальное различие превращается в объект комического контроля. Образ немца при этом теряет личностные черты и становится символом вражеского принципа – того самого, против которого и направлена военная мобилизация сознания. Автор, однако, сохраняет гуманистическую перспективу, противопоставляя толпе трагическую фигуру плачущей «тоненьким-тоненьким голосом» [6, с. 50] жены. Прислушиваясь к ее плачу, бабы делались грустными и отходили прочь, думая: «Всем горе, Господи!». Боль, таким образом, побеждает насмешку.

Советский критик Е. Сахарова, считавшая, что Чириков остался чужд великим переменам, которые произошли в революцию на его родине, писала также, что расцвет его творчества пришелся на дореволюционный период, и эти произведения правдиво отразили различные стороны русской дореволюционной действительности, содержали яркие, типические образы и картины [5, с. 22].

«Война» представляет собой редкий для дореволюционной прозы пример внутренней имагологической драмы, где образ «другого» (немца) используется не для сатиры, как в произведениях XIX в., а для исследования кризиса идентичности и человечности. Через Карла Иваныча Россия вглядывается в саму себя – в собственную способность к насилию и разрушению того, что еще вчера казалось «своим». Чириков, сам переживший эпоху слома имперской целостности, поднимает вопрос, который позднее станет центральным для культурной имагологии XX в.: где проходит граница между национальной принадлежностью и нравственной сущностью человека?

Рассказ представляет собой не только художественный отклик на события Первой мировой войны, но и глубокое исследование феномена «чужого» в структуре национального сознания. Через судьбу обрусевшего немца автор показывает, как внешне стабильная система межнациональных отношений в одночасье разрушается под воздействием массового страха и военной психологии. Образ героя строится на пересечении двух традиций – реалистической типизации и символического осмысления культурного пограничья, что придает тексту сложный многослойный характер.

Имагологический анализ позволяет увидеть в рассказе своеобразную модель общественного самосознания России начала XX в. Карл Иваныч, «свой чужак», оказывается отражением не только немецкого, но и русского ментального типа, поскольку его внутренняя раздвоенность – это проекция раздвоенности самой эпохи. В фигуре немца, привыкшего к мирному труду и внезапно объявленного врагом, воплощается трагедия цивилизации, где коллективный миф вытесняет личное достоинство и человеческую память.

Особую значимость в этом контексте приобретает тональность повествования: Чириков отказывается от сатирического изображения «чужого» и создает сочувственный, человечный портрет, что свидетельствует о его глубоко гуманистическом мировоззрении. Автор не противопоставляет народы как антагонистические сущности, а показывает, что граница между «своим» и «чужим» оказывается зыбкой и подвижной, особенно в эпоху войн и общественных катастроф.

Таким образом, рассказ «Война» становится одним из первых в русской литературе произведений, в котором внутренний и внешний образы национального «другого» осмысляются через призму моральной ответственности и культурной рефлексии. В этом заключается его особая ценность как источника для имагологического исследования, позволяющего рассматривать творчество Чирикова не только в историко-литературном, но и в межкультурном контексте.

Обращение к подобной перспективе открывает возможность по-новому оценить место писателя в системе русской прозы начала XX в. – как художника, сумевшего увидеть в национальном вопросе не тему этнографического интереса, а нравственно-экзистенциальную проблему, определяющую судьбу человека в мире, расколотом войной и предрассудками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белукова, В. Б. Способы выражения авторской позиции в публицистике Е. Н. Чирикова / В. Б. Белукова, А. С. Милюкова // Проблемы преемственности в словесном искусстве Серебряного века и Русского зарубежья : материалы VI Международной научной конференции «Смирновские чтения». – Москва, 2024. – С. 26–34.

2. Михайлова, М. В. Запечатленная Россия. Статьи о творчестве Евгения Николаевича Чирикова / М. В. Михайлова, А. В. Назарова. – Open Science Publishing Raleigh, North Carolina, USA, 2018. – 209 p.

3. Михайлова, М. Неумолчное эхо войны / М. Михайлова, А. Назарова // Чириков Е. Эхо войны. – Санкт-Петербург : Маматов, 2024.

4. Назарова, А. В. Семейная хроника Е. Н. Чирикова «Отчий дом» как итог идейных и художественных исканий писателя : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Назарова Анастасия Викторовна. – Москва, 2013. – 281 с.

5. Сахарова, Е. Е. Н. Чириков (1864–1932) : очерк жизни и творчества / Е. Е. Сахарова // Чириков Е. Н. Повести и рассказы. – Москва : Государственное издательство художественной литературыры, 1961.

6. Чириков, Е. Эхо войны / Е. Чириков. – Санкт-Петербург : Маматов, 2024. – 208 с.

7. Anderson, B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism / B. Anderson ; Rev. ed. – London ; New York : Verso, 1991. – 224 p.

E.V. Nikolsky, E.V. Papilova

THE GERMAN AS AN "INNER ALIEN": AN IMAGOLOGICAL READING OF E.N. CHIRIKOV'S SHORT STORY "WAR"

The article reveals the peculiarity of the image of the "alien" in the short story of E.N. Chirikov "War". Based on the analysis of the image of the pharmacist Rosenfeld, it is shown how the traditional type of Russified German undergoes a transformation under the influence of public sentiment during the war, turning into a symbol of internal alienation from Russian society.

Chirikov, the short story "War", imagology, the image of a German, identity, "one's own" and "someone else's", the First World War, ethnic image.